

«ПОДЕЛЮСЬ ОДНОЙ МЫСЛЮ...»

В ОТ и вышла первая книга о Василии Макаровиче Шукшине... И хотя, по справедливому замечанию поэта, «дорогу делает не первый», в монографии молодого критика Владимира Коробова уже виден путь к познанию художественного мира автора «Калины красной», к рассказу о его короткой — до боли! — жизни. А если судить по публикации отдельных глав книги в «Смене», отмеченных ежегодной премией журнала и вызвавших большой поток писем, то исследование «Василий Шукшин. Творчество. Личность» найдет свою дорогу к сердцам читателей.

Вл. Коробов. «Василий Шукшин. Творчество. Личность». Издательство «Советская Россия». 1977. 192 стр. 40 коп.

Не удивительно, что автор с первых строк нашел верный тон, уловил правдивый звук — пронзительный и светлый, который определил и всю интонацию книги. Как и в поэзии (помните мысль Блока, что главное — найти мелодию), литературный портрет в критике, написанный на одном дыхании, на едином душевном подъеме, требует своих стилистических оттенков и красок. Такими качествами, вернее, критическими достоинствами в полной мере обладает книга Вл. Коробова. В ней поистинно звучит обращение к читателю: «Хочу поделиться с вами мыслью, которая мне давно не дает покоя». Не правда ли, довольно редко мы встречаем в современной критике подобные откровенные признания. Удивительно не это — в любой другой монографии такой слог, такая откровенность могли бы быть восприня-

ты как ненужное заигрывание с читателем, но... только не в книге о Шукшине! Здесь, за этим прямым разговором так и видится сам Василий Макарович с его чуть глуховатым, напряженным голосом, узнаваемым с первого слова: «Поделюсь одной мыслью, которая поразила меня своей простой правдой».

Так в книге рождается необычный интонационный сплав критика и художника. И не только. Он, этот взаимодополняющий голос, идет от общности убеждений, от выстраданности своего пути, от доверия ко всему истинному и правдивому. Критик нигде не подлаживается, не стремится перебить своего соавтора нескромным «я», уважительно и бережно выслушивает (вместе с читателем) мысли и чувства художника, а через последнего открывает и свое понимание, свои художественные вкусы — словом, весь свой мир, свое искусство. Поэтому «у нас критик не иначе растолкует себя, как являясь рука об руку с писателем» (Ф. М. Достоевский).

В чем же конкретно выразилась эта естественная связь? «Вначале (весной 1974 года), — рассказывает Вл. Коробов, — задумана была такая книга: дать «срез» творчества Василия Шукшина, перемежая собственно литературоведческий очерк беседами, интервью с самим писателем... Жизнь распорядилась иначе. Можно понять это горестное: не успел! Но почему тогда, по словам автора, книга «написалась другая»? Да нет же —

через воспоминания друзей, опубликованные беседы, интервью, через письма к родным, наконец, через авторский рассказ о поездке в Сrostки — перед нами встает живой Шукшин.

Рассказывая о жизни Василия Макаровича, начиная с предвоенных лет (и даже раньше — с родословной Шукшина) и кончая «сухим октябрем 1974 года», автор идет по традиционному пути — показывает становление личности художника, определяет его истоки, выявляет его судьбу.

Большое, красивое село Сrostки («когда писали и пишу, что Шукшин родился в «глухом алтайском селе», то это дань расхожей публицистике», — уточняет автор), работа, армия, затем — ВГИК, первые роли, публикации рассказов, съемки фильмов, премии, книги... И — «осень, в которую осиротели березы Шукшина — Прокудина». Традиционная ли это судьба? Если она была разделена с народом, с Родиной («не обошла тридцатым годом, и сорок первым, и иным»), то нет другого ответа. А вот творческая... Здесь «разговор будет продолжаться еще очень и очень долго, а может, никогда и не кончится...».

Анализируя творчество Шукшина, Вл. Коробов все время видит перед собой такую «критическую перспективу». Иной раз мимоходом, другой раз всерьез, основательно он разбирает рассказы (примером служат

блестящий анализ рассказа «Миль пардон, мадам!»), выделяя, по его мнению, главное, характерное в творчестве Шукшина. Критик обращается и к последним произведениям писателя. Он не прогнозирует, а вместе с нами сожалеет, «что мы можем теперь лишь догадываться, угадывать лишь исподволь» замыслы Шукшина. Но, верится, как не обманула интуиция автора в анализе истоков характера Егора Прокудина (помните, мысль, которая не дает покоя?), так и в последующей работе над темой «Шукшин и мы» Вл. Коробов еще вернется к осмыслению многих произведений писателя, которым он уделил беглое внимание.

Можно упрекнуть молодого критика во встречающейся кое-где запальчивости слога, в декларативности, в проступающем местами многословии... Все это так. Здесь необходимо судить автора столь же строго, как относился к себе и сам Шукшин. Но одно несомненно: «Может быть, и очень скоро, — пишет в предисловии к книге Сергей Залыгин, — другие исследователи обнаружат дополнительные факты этой столь яркой и разнообразной творческой биографии, но это уже будут, вероятнее всего, именно только дополнения к тому, что написал Вл. Коробов».

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ